

домашни были мало-помалу ослабить сомнения в своей силе и д[олжны] б[ыли] в конце концов повести к воинственным попыткам вернуть то, чего в сущности уже давно не существовало. Первое сражение было дано по случаю поездки Л. Н. к Черткову⁶. С. А. впадала в истерику, бегала топиться, объявляла, что заболела и т. п., но Л. Н., будучи у Черткова, мало обращал внимания и даже, несмотря на ее требования, не ускорил ни на один день своего возвращения в Ясную Поляну от Черткова. [Далее зачеркнуто *]. В довершение всего началась отчаянная борьба по случаю дневников Л. Н. Как-то С. А., зайдя в кабинет Л. Н., спросила его, где его дневники за последние 10 лет. Л. Н. заметался, стал путать, что-то объяснять, но оказалось, что он их отдал Черткову, которому как раз в то время позволено было снова жить у себя в Телятинках. Тут начался какой-то ад. С. А. потеряла всякое самообладание. Крики, ругань, истерические припадки, беганье из дому, стращанье, что вот-вот она отравится опиумом, проклятия Черткова, обещание ехать к Государю с тем, чтобы погубить этого «дьявола», всего не повторить, словом, началось то, на что может быть способна только женщина блажная, властная, не только не умеющая, но и не желающая бороться со своими дурными инстинктами. Были выписаны мы⁷. Приехали и увидели черт знает что. С. А. и голодала, и ночей не спала, и в ноги Л. Н. кидалась, и кричала, и на полу билась, и Черткова проклинала, и в газеты письма сочиняла, «чтобы весь мир узнал, что она погублена Л. Н., попавшим в руки этого болвана Ч[ерткова]». И все из-за дневников. Наконец, Л. Н. уступил. Обещал к Черткову послать Сашу за дневниками и написал С. А. длинное доброе письмо, весьма смиренное и в части, хвалящей С. А., по-моему, неискреннее. Ожидание дневников, привоз их и отвоз их со мной в Тулу для помещения в Банк тоже стоило бы описать, но на это понадобилось бы много времени⁸. В конце концов С. А. все же не успокоилась. Все еще что-то вымалывает, чем-то грозит и противоречит себе на каждом шагу.

Когда я себя спрашиваю, что же в глубине души у С. А. такого, что ее заставляет так страдать и так мучить Л. Н., то я нахожу несколько причин. Думаю, что я не ошибаюсь, но, вероятно, и не в правильном порядке оцениваю значительность каждой причины. Поэтому я и не буду стараться их ставить в порядок по степени их важности, а буду руководствоваться их случайным возникновением в моей памяти.

1) Любовь к Л. Н. совершенно искренняя, но отчасти патологическая, так как ее главная составная часть — это страстность, не вполне нормальная в женщине 65 лет к мужчине 81 г., страстность, которую по понятным причинам удовлетворить трудно.

2) Как результат страстности является ревность⁹. Ревность всегда была отрицательной чертой С. А.¹⁰, но прежде она вызывалась все-таки женщинами, которые как-никак, а могли же нравиться Л. Н. как мужчине, а теперь мужчиной, Чертковым. Поэтому ревность вызывает в разгоряченном мозгу С. А. самые постыдные для Л. Н. картины.

3) Оскорбленное самолюбие. Это понятно. То, что Л. Н. не желает давать читать жене как нечто вполне интимное, дается Черткову, а Ч. дает переписывать своим темным секретарям. Достоинству жены действительно нанесен удар.

4) Властолюбие. Это чувство, конечно, уязвлено Чертковым. С. А. понимает, что Ч. уже на первом плане.

5) Корыстолюбие. Все, что писано рукою Л. Н., будет иметь, конечно, большую ценность. Эту ценность С. А. еще преувеличивает так, что ценность этих дневников приняла в голове С. А. размеры несколько фантастические; а вдруг она или ее милый Андрюша ничем после смерти Л. Н. не попользуются.

6) Истеричность. Конечно, играет роль. Сила восприятия всех неприятностей,

* Затем Л. Н. Толстой хотел убежать из дому, увидев, что черкес ведет на привязи какого-то мужика, попавшегося в лесу на порубке.